

Баргамот и Гараська — эпизод 4 из 4

Тяжело крикнув и стукнув своей селедкой по камню, Баргамот присел на корточки около Гараськи.

Ну... смущенно гудел он. Может, оно не разбилось?

Да, не разбилось, ты и морду-то всю готов разбить. Ирод!

А ты чего же?

Чего? передразнил Гараська. К нему по-благородному, а он в... в участок.

Может, яичко-то у меня последнее? Идол!

Баргамот пыхтел. Его нисколько не оскорбляли ругательства Гараськи; всем своим нескладным нутром он ощущал не то жалость, не то совесть. Где-то, в самых отдаленных недрах его дюжего тела, что-то назойливо сверлило и мучило.

Да разве вас можно не бить? спросил Баргамот не то себя, не то Гараську.

Да ты, чучело огородное, пойми...

Гараська, видимо, входил в обычную колею. В его несколько проясневшем мозгу вырисовывалась целая перспектива самых соблазнительных ругательств и обидных прозвищ, когда сосредоточенно сопевший Баргамот голосом, не оставлявшим ни малейшего сомнения в твердости принятого им решения, заявил:

Пойдем ко мне разговляться.

Так я к тебе, пузатому черту, и пошел!

Пойдем, говорю!

Изумлению Гараськи не было границ. Совершенно пассивно позволив себя поднять, он шел, ведомый под руку Баргамотом, шел и куда же? не в участок, а в дом к самому Баргамоту, чтобы там еще... разговляться! В голове Гараськи блеснула соблазнительная мысль наострить от Баргамота лыжи, но хоть голова его и прояснела от необычности положения, зато лыжи находились в самом дурном состоянии, как бы поклявшись вечно цепляться друг за друга и не давать друг другу ходу. Да и Баргамот был так чуден, что Гараське, собственно говоря, и не хотелось уходить. С трудом ворочая языком, приискивая слова и путаясь, Баргамот то излагал ему инструкцию для городских, то снова возвращался к основному вопросу о битье и участке, разрешая его в смысле положительном, но в то же время и отрицательном. Верно говорите, Иван Акиндиныч, нельзя нас не бить, поддерживал Гараська, чувствуя даже какую-то неловкость: уж больно чуден был Баргамот!

Да нет, не то я говорю... мямлил Баргамот, еще менее, очевидно, чем

Гараська, понимавший, что городит его суконный язык...

Пришли наконец домой, и Гараська уже перестал изумляться. Марья сперва вытаращила глаза при виде необычайной пары, но по растерянному лицу мужа догадалась, что противоречить не нужно, а по своему женскому мягкосердечию живо смекнула, что надо делать.

Вот ошалевший и притихший Гараська сидит за убраным столом. Ему так совестно, что хоть сквозь землю провалиться. Совестно своих отрепий, совестно своих грязных рук, совестно всего себя, оборванного, пьяного, скверного. Обжигаясь, ест он дьявольски горячие, заплывшие жиром щи, проливает на скатерть и, хотя хозяйка деликатно делает вид, что не замечает этого, конфузится и больше проливает. Так невыносимо дрожат эти заскорузлые пальцы с большими грязными ногтями, которые впервые заметил у себя Гараська.

Иван Акиндиныч, а что же ты Ванятке-то... сюрпризец? спрашивает Марья. Не надо, потом... отвечает торопливо Баргамот. Он обжигается щами, дует на ложку и солидно обтирает усы, но сквозь эту солидность сквозит то же изумление, что и у Гараськи.

Кушайте, кушайте, потчует Марья. Герасим... как звать вас по батюшке? Андреич.

Кушайте, Герасим Андреич.

Гараська старается проглотить, давится и, бросив ложку, падает головой на стол прямо на сальное пятно, только что им произведенное. Из груди его вырывается снова тот жалобный и грубый вой, который так смутил Баргамота. Детишки, уже переставшие было обращать внимание на гостя, бросают свои ложки и дискантом присоединяются к его тенору. Баргамот с растерянною и жалкою миной смотрит на жену.

Ну, чего вы, Герасим Андреич! Перестаньте, успокаивает та беспокойного гостя.

По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...